

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 1

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1998

ББК 86.38я2
И87

Составитель и ответственный редактор
С. М. ПРОЗОРОВ (СПбФИВ РАН)

Указатели
А. А. ХИСМАТУЛИН (СПбФИВ РАН)

Научные консультанты
О. Ф. АКИМУШКИН (СПбФИВ РАН)
А. Б. ХАЛИДОВ (СПбФИВ РАН)

Редактор издательства
Л. В. НЕГРЯ

И87 **Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Выпуск 1.** – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 159 с.: ил.
ISBN 5-02-018047-5

Вниманию читателя предлагается оформленный в энциклопедических статьях результат комплексного изучения истории ислама на территории бывшей Российской империи (с момента возникновения первых мусульманских общин и до наших дней). По методологическому подходу это издание является продолжением энциклопедического словаря «Ислам» (М., 1991), а по содержанию – дополнением к нему. Первый выпуск подготовлен большой группой ученых из научных центров Санкт-Петербурга, Уфы, Казани, Ташкента, Москвы, Самарканда, а также Франции и Англии. Статьи посвящены мусульманским деятелям, культовым сооружениям, суфийским братствам и терминологии, мусульманским образовательным школам, бытованию Корана в России и т. д.

Ислам в России не только предмет академической науки, но и важный фактор общественно-политической жизни. Задача настоящего издания – дать объективную информацию об исламе и тем самым сделать шаг на пути установления этноконфессионального взаимопонимания в обществах на постсоветском пространстве.

ББК 86.38я2

ISBN 5-02-018047-5

© С. М. Прозоров, предисловие, составление, 1998

Содержание

От издателя	4
Editor's Introduction.....	7
Словарь.....	10
Указатели	109
1. Указатель имен собственных, названий династий	109
2. Указатель названий религий, суфийских братств, религиозно-философских школ, богословско-правовых толков, течений, организаций, партий и т. д.	118
3. Указатель географических и топографических названий	121
4. Указатель этнических названий.....	130
5. Указатель упомянутых сочинений, периодических изданий	132
6. Указатель терминов	134
7. Предметный указатель	139
Список сокращений.....	152
Список использованной литературы.....	153
Список статей.....	157
Список авторов и статей	158
List of articles and authors.....	159

От издателя

Предлагаемый читателю энциклопедический словарь — первая попытка комплексного изучения ислама на территории бывшей Российской империи, основанного на проработке широкого круга разноязычных письменных источников, архивов, разнообразных историко-культурных (полевых, археологических, этнографических, эпиграфических, фольклорных и т.д.) материалов. Хронологические рамки исследования — от распространения ислама на территориях, вошедших в разное время в состав Российской империи, затем — в СССР, и до наших дней. По методологическому подходу к изучению ислама, принципам подачи материала это издание является продолжением энциклопедического словаря «Ислам» (М., 1991), а по содержанию — дополнением к нему. В первом издании был раскрыт понятийный аппарат так называемого классического (в нашем контексте — «зарубежного») ислама, поэтому в данном выпуске не разъясняются ключевые понятия, исламские институты, персоналии и т.д. из ареала «зарубежного» ислама.

Выход словаря «Ислам» остро обозначил потребность нашего общества в достоверной информации о «российском» исламе, его духовных ценностях и ориентирах, его социальных идеалах, его религиозной практике. Однако в силу ряда обстоятельств (отсутствие финансирования, распад СССР) работа над словарем по истории «российского» ислама была заморожена.

Актуальность и научно-практическое значение исследования ислама в России (в до-революционных ее границах, включая Среднюю Азию и Казахстан) определяется прежде всего тем, что это — один из самобытных регионов, в котором мусульмане, представляя самую многочисленную (после христианства) конфессию, в течение длительного исторического периода сосуществовали с немусульманскими народами России. Вместе с тем этот огромный регион до сих пор оставался практически вне поля зрения отечественного исламоведения. О «российском» исламе нет достоверной информации не только у зарубежных читателей (как на Западе, так и в мусульманском мире), но и в России. Территория с мусульманским населением, входившие в состав Российской империи, а затем — в СССР, в течение длительного времени развивались в диалектической связи друг с другом, населявшие их народы имели много общего как в плане материальных условий, так и в сфере духовной жизни. В рамках единого геополитического пространства шли интеграционные процессы в области общественного уклада, быта, культуры, духовных ценностей. Все это неизбежно отразилось на облике «российского» ислама, дополнив его специфические черты, обусловленные этнокультурными особенностями мусульманских народов России.

В силу исторических условий (в частности, теократического характера правления Мухаммада) ислам как религиозная система приобрел черты, отличающие его от других религий. Среди них — нераздельность религии и политики, догматики и права. Отсюда — многофункциональность ислама в мусульманских обществах, его структурное разнообразие, проявляющееся во всех сферах общественной жизни.

Другая черта ислама — разнообразие его идеологических форм, так называемый лимитированный плюрализм, обусловленный теснейшей связью исламской культуры с духовным субстратом исламизированных народов, их религиозными и культурными традициями, их социальными и правовыми институтами. Эта черта ислама отражает его способность адаптироваться к местным условиям. Народы разных историко-культурных регионов, включившись в духовную жизнь мусульманского общества, привнесли в ислам свои религиозно-этические представления, правовые нормы, обычаи, культурные традиции. В разных регионах мусульманского мира процесс адаптации проходил неодновременно и с разной степенью глубины, но в конечном счете привел к тому, что в крупных историко-культурных регионах ислам приобрел специфические черты, отличающие одну региональную форму его бытования от другой. Процесс «освящения» исламом местных традиций и правовых норм и превращения его в «свою» религию связан с формированием местного (взамен пришлого, арабского) сословия религиозных авторитетов, со сложением местных духовных центров. Эту миссию выполняли мусульманские юристы-правоведы (*факихи*) и мистики-суфии, которые хорошо знали язык, обычаи, традиции и нравы своих народов и сумели приспособить к ним «нормативный» ислам. Благодаря их усилиям произошла «внутренняя» исламизация формально обращенных в ислам народов. Во многих регионах мусульманского мира (в частности, в Средней Азии, на Северном Кавказе) именно в форме суфийской идеологии ислам стал «своей» религией.

Сращивание «нормативного» ислама с местным духовным субстратом разных культур привело к сложению региональных форм его бытования, опирающихся, однако, на общеисламские принципы. Эти принципы, или «основы», действовали как на уровне догматического богословия (пять «основ», или «корней», веры — *усул ад-дин*), так и на уровне социальной практики (пять «столпов», или предписаний, ислама, религиозные обязанности — *аркан ал-ислам, ал-фара'id*). Иными словами, наряду с общеисламскими принципами, объединяющими весь мусульманский мир и отличающими религиозную систему ислама от других религиозных систем, существуют различные региональные формы ислама. Отсюда отнесе-

ние тех или иных представлений, норм, обычаев к «исламским» или «неисламским» переходит в плоскость лишь ретроспективного анализа, а основным критерием принадлежности к духовному миру ислама является самосознание человека, общности людей или народа, считающих себя мусульманами.

Решение проблемы соотношения «ислама единого» и «ислама регионального» имеет важное научно-практическое и методологическое значение как в плане определения подхода к изучению религиозной системы ислама, так и в плане применения полученных результатов к изучению конкретных форм его бытования. В основе этого подхода лежит представление о том, что в ходе исторического развития различные идейные течения и религиозные структуры мусульманского мира находились в сложном взаимопереплетении, объединенные рамками единой религиозной системы. В этом — ключ к пониманию механизма функционирования ислама как идеологической, в частности религиозной, системы.

Ислам на территории бывшей Российской империи имеет свои отличительные черты, порожденные как спецификой ислама в целом, так и исключительно российскими реалиями. Одна из характерных черт «российского» ислама — его многоликость, обусловленная прежде всего этнической пестротой «российских» мусульман, тесным переплетением с местными традициями, обычаями и нравами разных народов и этнических групп. «Российские» мусульмане принадлежат также к разным направлениям ислама (сунниты, шииты), к разным догматико-правовым школам (ханафиты, шафииты), к разным суфийским братствам (накшбандийа, кадирийа, йасавийа). При всей неоднозначности понятия «мусульмане» в российском обществе сложилось явное несоответствие между фактической ролью ислама в жизни «российских» мусульман и отношением к нему как со стороны официальных властей, так и со стороны общества в целом. Научное исламоведение в России достигло определенных успехов на пути преодоления этого несоответствия, однако результаты работы остаются невостребованными. В целом на всех уровнях российского общества (в среде немусульман) преобладает односторонне негативное отношение к исламу. Такое положение является результатом планомерно проводившейся властями антирелигиозной политики, вследствие чего общество было лишено достоверной информации об исламе.

Другая особенность «российского» ислама, способствовавшая, кстати, сложению представления о «фанатизме» мусульман, — низкий уровень религиозных знаний среди самих мусульман, слабое развитие исламских институтов, утрата исламской правовой культуры. Это обстоятельство отмечали в своих исследованиях отечественные исламоведы, в первую очередь лучший в России знаток мусульманского права, д. ю. н. Л. Р. Сюкияйнен

(Москва). Одна из причин такого положения — изоляция «российских» мусульман от исламского мира в целом. Политика ассимиляции («русификация» в царское время, «советизация» в советское время) мусульманских народов вела к тому, что последние утрачивали связи с исламской культурой, лишались духовных корней. Замена арабской графики на кириллицу (30-е гг.), массовое уничтожение арабографических рукописей и книг усилили изоляцию «российских» мусульман: была прервана духовная преемственность в передаче письменного наследия арабо-мусульманской культуры.

Антирелигиозная политика советских властей на всех уровнях породила еще одну особенность «российского» ислама, обнажившуюся в последнее время. Формирование религиозного сознания мусульман оказалось в руках не профессионально подготовленных богословов и служителей исламского культа (как во всех мусульманских странах), а в значительной мере малограмотных «знаатоков» ислама. Подпольно действовали «неофициальные» мечети, «домашние» школы по изучению Корана и т. д., «наставники» которых внедряли в сознание людей порой пересмысленные в «исламском» духе народные представления и домыслы. На официальном уровне это констатировалось как «отдельные пережитки» ислама. Но как только изменилась общая ситуация в стране, «народный» ислам «неожиданно» вырвался на арену общественно-политической жизни. Утрата «российскими» мусульманами опыта решения социальных проблем на основе исламских принципов и низкий уровень их конфессиональной культуры предопределили национально-политическую направленность «исламского возрождения» в обществах на постсоветском пространстве. Это вызвало обострение этноконфессиональных взаимоотношений, принимающих нередко драматические формы.

Опасность потенциальных и реальных конфликтов на почве этноконфессиональных противоречий настолько велика и глобальна, что, несмотря на чрезвычайно запутанный клубок факторов, лежащих в их основе, необходимо искать пути к их предотвращению или по крайней мере ослаблению. Один из таких путей — научно обоснованная пропаганда достоверной информации об исламе и его взаимоотношениях с другими религиями. Методологической основой подхода к изучению ислама может служить теория догматико-правового, этнического и регионального равноправия, равноценности внутри исламского мира. Из этой теоретической посылки вытекают следующие, чрезвычайно важные для понимания механизма функционирования ислама выводы. Во-первых, все региональные формы бытования ислама равноправны, равноценны и, следовательно, нет объективных оснований противопоставлять один «местный» ислам другому, одну догматико-правовую школу — другой. Во-вторых, раз не существует единой для всех мусульман «идеальной» модели ислама (носителями тако-

вой иногда признают арабов времен Мухаммада), нет «ортодоксального» и «еретического» ислама, то, значит, все народы, все этнические группы, принявшие ислам позже, имеют равные права считаться мусульманами — нет «полноценных» и «неполноценных», «истинных» и «неистинных». Признание регионального ислама как объективной формы бытования этой религии призвано ослабить конфронтационные тенденции в мусульманских обществах и среди самих мусульман. При таком подходе к исламу акцент делается не на внутриисламские расхождения и противоречия, подогреваемые амбициозными претензиями исламских лидеров на «правотворность» той или иной модели «исламского правления», на «превосходство» той или иной догматико-правовой школы, этноса, региона, а на идею общности и равноценности народов, внесших свой вклад в исламскую культуру. В свою очередь, создание атмосферы терпимости среди мусульман разных направлений, разных национальностей, разных историко-культурных регионов создаст почву для большей терпимости и по отношению к немусульманам, ибо на первый план выступают не конфронтационные тенденции, а этическая сторона, которая во всех религиях в большей степени апеллирует к общечеловеческим нормам поведения. Разумеется, что при этом должно быть адекватным отношение к исламу и со стороны немусульман.

Последнее десятилетие показало, что неадекватность и некомпетентность властей и невнимание академических структур к отечественному исламоведению дорого обходятся государству — проблемы этноконфессиональных взаимоотношений в России и в бывших советских республиках решаются в трагической форме. Ислам в России — неотъемлемая часть российской истории, российской культуры, в то же время это не только предмет академической науки, но и важный фактор общественно-политической жизни. Этим определяется одна из актуальнейших задач отечественного исламоведения — объективная информация об исламе как шаг на пути преодоления негативных стереотипов взаимного восприятия представителями разных конфессий, на пути установления этноконфессионального взаимопонимания в обществах на постсоветском пространстве. Свой вклад в решение этих задач вносят и авторы предлагаемого издания.

Выпуск содержит 87 статей по истории ислама в европейской части России (в том числе в Санкт-Петербурге и Москве) и в Средней Азии. В алфавитном порядке представлены

статьи о мусульманских деятелях, культовых храмах и сооружениях, «святых» местах, суфийских братствах и терминах, религиозно-политических движениях и объединениях, конфессиональных учебных заведениях, бытовании Корана, паломничестве из России и т.д. В подготовке выпуска принял участие 31 автор из Санкт-Петербурга, Уфы, Казани, Ташкента, Москвы, Самарканда, а также Франции и Англии. Словарь адресован не только специалистам (востоковедам, религиоведам, историкам, философам, социологам, культурологам и т.д.), он доступен и более широкому кругу читателей — учителям, журналистам, дипломатическим работникам, краеведам, студентам.

Проект энциклопедического словаря «Ислам на территории бывшей Российской империи» предусматривает поэтапную подготовку и издание материалов отдельными выпусками, которые впоследствии, исправленные и дополненные, составят самостоятельный том. Концепция этого многолетнего издания, его структура, тематические рубрики и вопросы к ним, принцип отбора материала и оформление статей были разработаны еще в конце 80-х гг., сразу по завершении работы над энциклопедическим словарем «Ислам» (подробнее об этом см.: Восток / Orient. 1994, № 3, 145—148). Разработчики проекта исходят из того, что объективное и адекватное представление об исламе на территории бывшей Российской империи может дать лишь исследование, выполненное с позиций единой концепции и методологии, общей методики и сравнительно-аналитических обобщений. Вместе с тем реализация столь масштабного проекта возможна только при участии в нем широкого круга специалистов, занимающихся историей и культурой мусульманских народов, населяющих территорию бывшей Российской империи.

По вопросам участия в подготовке очередных выпусков энциклопедического словаря просим обращаться по адресу:

РОССИЯ

191186, Санкт-Петербург

Дворцовая наб., 18

Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

Факс: (8-812) 3115101

e-mail: orient@ieos.spb.su

СПб., декабрь 1997

Руководитель проекта
С. М. Прозоров

Editor's Introduction

The first fascicle of the encyclopaedic lexicon "Islam in the Former Russian Empire" represents an attempt at a comprehensive study of Islam in the former Russian/Soviet Empire. It is based on a thorough analysis of a wide variety of narrative sources and archival materials in the major languages of Islam. Additionally, it makes extensive use of the ethnographic, epigraphic, archaeological evidence and folklore that were collected through field research. Chronologically, this volume covers the period from the introduction of the Muslim religion into what was to become the former Russian/Soviet Empire up to the present day. Methodologically, it follows in the footsteps of the encyclopaedic lexicon "Islam" (Moscow, Nauka Publishers, 1991), which it seeks to supplement.

Since that earlier work dealt mostly with the major concepts, terms and figures of classical Islam in the Middle and Near East, the authors of the present volume do not normally discuss them here to avoid repetition.

Our "Lexicon" responds to the acute need of the new Russian society in an unbiased information on what can be tentatively described as "Russian Islam", with special reference to its value systems, social ideals and ritual practices. The significance of the study of Islam on the territory of the former Russian and Soviet Empires, including Central Asia and Kazakhstan, is difficult to overestimate. It is determined by the fact that in the area in question Islam was, and still is, the second largest confession (after Christianity). Over several centuries, Islam in the lands under Russian sway has developed in close contact with several non-Muslim religious denominations. Despite its undeniable geopolitical and cultural importance, Islamic studies have been treated as a pariah by the Russian and Soviet scholarly establishment. As a result, it is practically impossible to find an accurate information on various aspects of "Russian" Islam not only in the works that originated outside Russia (either in the West or in the East), but in Russian scholarly literature as well. For many centuries, the areas of the former Russian/Soviet Empire with predominantly Muslim populations developed in a specific historical and cultural environment and experienced similar influences.

Consequently, these populations have come to share many common material and cultural patterns that set them apart from the rest of the Muslim World. Such patterns, which were shaped by the close ties and intense interaction of these Muslim peoples with Russia, have determined the specific nature and physiognomy of what we call "Russian Islam".

In general, Islam as a religious tradition evinces a number of recognisable features that distinguish it from the other world religions. These include a lack of the clear-cut borderline between religion and politics as well as between doctrines and canon law. These and some other

features account for an unusually broad variety of social functions and ideological roles that Islam plays in different spheres of human activity. Another distinctive feature of Islam is the diversity of its ideological expressions, which can be described as the pluralism of opinions tolerated within its framework. This feature springs from the intimate ties between Islam and the cultural and spiritual substrata of the peoples that embraced it. By the term "substrata" we mean the specificity of their pre-Islamic religious, cultural, legal traditions and social institutions. This feature allows Islam to adapt to a wide variety of local conditions, as ethnic groups and peoples of diverse historical and cultural backgrounds could, at various stages and in different ways, make their distinct contributions to the spiritual and doctrinal development of the Islamic tradition. Hence the diversity of manifestations of Islam's formative ideas across time and space. The process of integration into Islam of local customs and norms was facilitated by the emergence of the local, i.e., non-Arab, religious elites and authorities as well as the rise of regional centres of Islamic learning. Muslim jurists (*fuqaha*) and Sufi mystics of various ethnic origins, who had first-hand knowledge of local languages, traditions, customs, and norms were instrumental in adapting them to, and eventually incorporating them into, "normative" Islam.

Thanks to the efforts of local scholars and especially of dervishes, Islamic norms and beliefs became firmly implanted in the minds of newly converted Islamic populations. Typical in this regard are the peoples of the Caucasus and Central Asia, who embraced Islam largely in its Sufi form that proved to be more open to local religious beliefs and customs than the more rigorous Islam of the *fuqaha* class.

The adaptation of "normative" Islam to local religious and cultural substratum led to the emergence of its regional expressions and manifestations, which, however, were firmly grounded on the norms that are shared by all Muslims. These norms were both doctrinal and practical in nature, e.g., the five "pillars", or "roots", of Islamic theology (*usul al-din*) and the five obligations postulated by the Islamic ritual practice (*arkan al-islam* or *al-faraid*). In other words, alongside the distinctive principles that are common to the Muslims all over the world, we find regional forms of Islam. In this perspective, the classification of some norms and practices found in the Muslim world as "Islamic" or "non-Islamic" becomes a largely futile exercise, determined, as it is, by one's personal vision of the "correct" Islam. Objectively, however, it is more fruitful to view all those men and women who consider themselves to be Muslims and who consciously declare their allegiance to the Islamic religion as being equal members of the Muslim community notwithstanding the regional form of Islam they adhere to.

The problem of the relationship between the foundational ideas of primeval Islam and their “regional” manifestations is of great importance, both practically and methodologically. It helps to develop a systematic approach to Islam—one that sees it as the end product of an extremely complex intertwining of, and dialogue between, various doctrinal strands, local tendencies and regional schools. This complexity and pluralism, however, had their limits within which these strands, tendencies and schools were allowed to operate without ceasing to be “Islamic”. Such an approach allows to work out a holistic vision of Islam as a complex ideological and religious system.

Islam in the former Russian/Soviet Empire has a number of specific character traits that are determined by the dynamic interaction of the general and the particular that were just outlined. One distinctive character trait of “Russian Islam” is its diversity, which, in turn, springs from the ethnic and cultural diversity of its adherents. Among Russian Muslims we find both Sunnites and Shiites, as well as members of different schools of Islamic law, e.g., Shafites and Hanafites. In addition, many Muslims in the Russian/Soviet lands belonged to one or another Sufi brotherhood, e.g., the Naqshbandiyya, the Qadiriyya, the Yasaviyya, and so on. In light of the above, one cannot help wondering at the great disparity between the important role of Islam in Russian society and the blatant prejudices and ignorance that characterise Russian views of Islam and the Muslims.

Unfortunately, in spite of the undeniable achievements of Russian/Soviet Islamicists in providing an unprejudiced and academic picture of Islamic history, beliefs and institutions, the negative view of Islam as a hostile and alien force still dominate the Russian public opinion. Even more regrettable is the fact that this hostile view is often shared and promoted by the official authorities of the Russian Federation. This view of Islam can be attributed to the decades of the fierce anti-religious propaganda that was sponsored by the Soviet authorities before the collapse of the Soviet Union. Another reason is the ignorance of Islamic history, culture and institutions on the part of the Russian Muslims themselves. This ignorance often leads to a simplistic, ahistorical view of Islam that is frequently perceived by outsiders as an expression of the “fanaticism” of its followers. The reason for this ignorance, as indicated by Dr. Syukiyaynen, Russia’s leading expert on Islamic law, is the long isolation of the Russian community from the Muslim world as a whole. The policy of “Russification” and “Sovietisation” of the areas with Islamic populations that was carried out respectively by Russian and Soviet authorities has effectively cut their historical and cultural ties with their fellow believers. When the Arabic alphabet was replaced by the Cyrillic letters in the 1930s and millions of Arabographic books were destroyed by the atheistic Soviet state, the Muslims of the Soviet Union found themselves in an intellectual and spiritual vacuum that the authorities

tried to fill with Communist ideology. The longstanding religious and cultural ties that linked Muslims under Russian sway to their fellow believers around the world were broken.

The atheistic policies of the Soviet authorities had many negative implications, including one that has become unique to “Russian Islam”. Due to the ruthless suppression of Islamic education the task of providing the Russian Muslims with a minimal knowledge of the Muslim religion fell to individuals with no formal theological training, who themselves were often semi-literate. Unofficial “mosques” and semi-clandestine “Qur’anic schools” mushroomed in Muslim-populated areas of the former Soviet Union. They were run by ignorant “tutors” who often inculcated in their students various popular superstitions and folk beliefs in the guise of Muslim teachings. The official Soviet propaganda tended to lump them together with mainstream Islamic doctrines as “Islamic survivals”. However, with the collapse of the Soviet system, these superstitions and folk beliefs burst into the open. By filling the ideological vacuum created by the demise of the old ideology, they came to shape the mentality of many Muslims and, as a consequence, their political actions and social attitudes as well. Due to the lack of a class of educated Muslim scholars, who would competently interpret Islamic norms and apply them to the acute social issues at hand, the Muslim revival was often hijacked by radical nationalist movements that presented themselves as defenders of the true Islam. Their activities and bigotry have led to the growth of tensions between various Muslim and non-Muslim confessions and, occasionally, to bloody ethnic and inter-confessional conflicts.

Dangers of such conflicts are obvious. To prevent religious and ethnic tensions from degenerating into fully-fledged regional wars one should seek the ways to achieve a better understanding and, subsequently, a rapprochement between opposed factions. This can be done through disseminating a balanced and accurate information about Islam and about its position vis-à-vis other religions. As a possible methodological starting point for such a task one can suggest the notion of Islam as a religion that encourages dogmatic and legal pluralism as well as the equality of all national and ethnic groups within the world of Islam. This notion, in turn, generates a number of important theoretical propositions that help to highlight the functioning of the system we call “Islam”.

First, all regional manifestations of Islam’s foundational ideas are equally valid; hence there is no objective grounds for presenting one regional variation within the Islamic religion as being more “faithful” to the spirit and letter of Islam than its counterpart(s). The same applies to different theological and legal schools within Islam.

Second, since there is no universally accepted model of the “ideal” Islam (though some might argue that the primeval Muslim community of Medina should be treated as this model), one should not speak of “orthodox” as

opposed to “heterodox” Islam; therefore, all nations and ethnic groups that proclaim their allegiance to Islam should be treated as equal—that is, one must never juxtapose “authentic” with “unauthentic” Muslims. In recognising the legitimacy of all regional and ethnic interpretations of Islam one may hope to mitigate confrontational tendencies within the Muslim community at large. This approach effectively disavows the claims of some oppressive Muslim leaders to be the upholders of the only “genuine” version of Islam in an effort to justify their persecution of religious and ethnic minorities. The method that we have just outlined shows it to be a calculated political stratagem aimed at perpetuating their grip on power by presenting it as the “truly Islamic” rule. Instead, the emphasis should be on the equality and underlying unity of all regional and ethnic groups adhering to Islam. Furthermore, this approach should consistently give privilege to the values that are shared by all human beings in order to minimise divisive, militant tendencies in a given region or within a given ethnic group. Finally, there is no doubt that this approach should not be confined to the members of the Muslim community, but shared by representatives of other religious traditions. The last decade has demonstrated the flagrant shortsightedness and incompetence of the Russian state authorities as well as the complete disregard of the leadership of the Academy of Science for the needs of Islamic studies in Russia. Russia has already paid dearly for this disregard, as dramatic ethnic and religious conflicts on the southern borders of the Russian Federation finely show. Islam in Russia is more than just an integral part of Russian history and culture, nor is it yet another object of academic research. It is, in fact, an extremely powerful and influential factor of Russia's social and political life. Hence the need for an objective information on Islam that would help to overcome mutual distrust between the Muslims and the representatives of the other Russian confessions across the lands of the former Soviet Union. This is precisely the goal that the contributors to this volume have sought to achieve.

The present fascicle contains 87 studies on the history and contemporary situation of Islam and of its institutions in the European part of the former Russian Empire, including St. Petersburg, Moscow, the Bashkir Republic, Ta-

tarstan, the Northern Caucasus and Central Asia. Arranged in alphabetic order are contributions on Muslim scholars and statesmen, on the mosques and medreses, on the objects of popular worship and pilgrimage centres, on Sufi brotherhoods and Sufi terms as well as on religio-political movements, on the study of the Quran, and on the Hajj from Russia. The contributors to this volume are scholars from St. Petersburg, Ufa, Kazan, Tashkent, Moscow, and Samarkand, as well as from England and France. The prospective readership of this volume includes not only specialists, but also general readers with interest in the history of Islam in the former Russian/Soviet Empire. It is expected that the lexicon will appear in instalments (fascicles), which will, at a later stage, be brought together under single cover in a revised and augmented form. The conception of the lexicon as well as the principles of the selection of material to be included in it were determined already in the late 1980s, immediately after the completion of the encyclopaedic lexicon “Islam”, which was published in Moscow by the Nauka Publishers in 1991 (for further details see *Vostok/Orient*, No. 3, p. 145–148). The editor and his colleagues believe that an objective and accurate study of Islam in the former Russian/Soviet Empire must of necessity be based on a common conceptual framework and methodology. This general idea has been realised by scholars coming from a broad variety of educational backgrounds and research profiles, who specialise in the study of history and culture of the Muslim peoples of the Russian Federation, Central Asia, and the Caucasus.

All queries regarding this publication should be directed to:

Institute for Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg Branch)
Dvortsovaya naberezhnaya, 18
St. Petersburg
191186, Russia

Fax: (7-8-812) 3115101;
e-mail: orient@ieos.spb.ru

Dr Stanislav M. Prozorov, Editor and Supervisor of the Project

Rendered into English by *Professor Alexander D. Knysch*, The University of Michigan.